

А. А. Зданович

Чекистские операции по польской линии в 1918 г.

Можно с большой долей уверенности говорить о том, что с польской проблематикой ВЧК впервые столкнулась в самом начале 1918 г., когда против советской власти восстал 1-й корпус польских легионов. Напомню, что польский корпус был создан в составе русской армии еще до Октябрьской революции. Первоначально в 1915 г. польские части формировались как легион, который позднее преобразовали в бригаду и далее — в дивизию. Белорусский историк Н. Шташкевич утверждает, что легионы в боевых действиях не участвовали, поскольку командование Западного фронта считало их ненадежными и отвело с линии фронта в г. Борисов¹. Уже при Временном правительстве командиром корпуса был назначен бывший командир 38-го армейского корпуса 10-й армии генерал-лейтенант Ю. Р. Довбор-Мусницкий. После Октябрьской революции командование корпуса отказалось выполнять постановления советского правительства о демократизации армии, развернуло националистическую пропаганду, установило контакт с польскими политиками за границей, стремившимися к созданию независимого государства. 12 (25) января 1918 г. Довбор-Мусницкий поднял мятеж против советской власти, и легионеры стали угрожать Ставке Верховного главнокомандующего в Могилеве. Тогда генерала объявили

*Зданович
Александр
Александрович,*
доктор исторических
наук, профессор,
Академия военных
наук (Москва, Россия)

вне закона, а корпус, согласно приказу командующего Западным фронтом, подлежал разоружению и расформированию. Для этого пришлось применить военную силу, и легионеры понесли серьезные потери. От полного разгрома корпус спасло наступление немецких войск, начавшееся 18 февраля 1918 г.²

В связи со сказанным необходимо напомнить, что 21 февраля 1918 г. Совнарком РСФСР принял воззвание к трудящемуся населению всей России по поводу наступления Германии. В нем, в частности, отмечалось, что немецкие власти, выждав развитие демобилизации старой русской армии, нарушили перемирие и двинули свои войска в наступление против революционной России. В связи с этим СНК призвал ускоренными темпами создать Красную Армию для отпора врагу и укреплять «железной рукой» внутреннюю безопасность во всех городах³. На это воззвание незамедлительно отреагировала Всероссийская ЧК.

В плане рассмотрения польской темы небезынтересно отметить следующее: в объявлении ВЧК, опубликованном в Известиях ВЦИК от 23 (10) февраля 1918 г., среди разных категорий лиц, подлежащих расстрелу на месте ввиду создавшейся обстановки, указаны и те, которые планировали ехать на пополнение «польских контрреволюционных легионов». Они однозначно рассматривались как политические преступники и шпионы⁴.

Большевики арестовали нескольких членов правлений союзов военных поляков. В Минске, к примеру, были захвачены члены Верховного Польского Военного Комитета (далее — ВПВК). Оставшиеся на свободе члены ВПВК выехали в Киев, где заключили соглашение с отделением некоего Польского Совета Межпартийного Объединения. Представители ВПВК передали свои полномочия вновь образованному совету польских вооруженных сил.

Часть польских офицеров и солдат осталась на территории, контролируемой немецкими оккупационными войсками. Другие двинулись в центральную часть России и осели в крупных городах, включая Москву и Петроград, сохраняя во многих случаях даже структуру воинских формирований (взвод, рота и т. д.), а также уставную дисциплину. Только в Москве и ее окрестностях весной 1918 г. насчитывалось более четырех с половиной тысяч военнослужащих из состава польских частей, созданных еще при царском режиме и в период Временного правительства. В своем большинстве эти поляки были настроены националистически, негативно относились к советской власти и конкретно — к ее представителям из военного ведомства. Добавлю при этом, что солдаты и офицеры (многие из которых вообще не владели русским языком) слабо поддавались большевистской агитации и пропаганде, поскольку практически не общались с местным населением, не участвовали в разного рода массовых мероприятиях, организуемых советскими и партийными органами, не читали коммунистических листовок, воззваний и газет. Усилия военного отдела Польского комиссариата наркомата по делам национальностей приносили некоторые результаты в плане обработки своих соотечественников в революционном духе, но не в том масштабе, какой тогда требовался. А как отметил в своем отчете начальник военного отдела Р. В. Лонгва, весной 1918 г. пропагандистская работа почти сошла на нет после переезда всего правительства в Москву и ввиду демобилизации старой армии, а также заключения мира с Германией⁵.

Как это ни покажется странным, но многие польские подразделения стояли на всех видах довольствия в Московском военном округе, руководство которого не придавало, вероятно, большого значения их политической надежности. Реальной обстановки в национальных частях никто не знал. Военная контрразведка округа, которой, казалось бы, и надлежало заняться данным вопросом, только становилась на ноги, своих информаторов у поляков не имела. Не установила она и прочной связи с пробольшевистски настроенными польскими организациями, включая группы Социал-демократической партии Королевства Польского и Литвы. А ведь через них открывалась реальная возможность проникнуть в польские воинские части с целью оперативного вскрытия негативных тенденций, связи с военными миссиями союзников и подготовки с помощью последних конкретных подрывных акций. Опереться можно было на таких членов Центрального исполнительного комитета Социал-демократической партии Королевства Польского и Литвы, как председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский и комиссар по польским делам Московского военного округа (с декабря 1917 г.) Э. А. Прухняк. Возможно, контрразведчики МВО надеялись, что если такие высокопоставленные должностные лица держат под контролем польские части, то и не стоит разворачивать работу на данном направлении. Однако, как показали дальнейшие события, чекисты и комиссары тоже многого не знали. К примеру, они не имели точной информации о существовавшей в то время комендатуре польских войск в Москве, тесно связанной тогда с патронируемым немецким посольством представительством польского Регентского Совета. Пост коменданта занимал член Союза военнослужащих-поляков В. Дыбчинский. Он ориентировался на главу представительства польского Регентского Совета в России А. Ледницкого, которому регулярно представлял доклады о своей конспиративной работе⁶. Вот что записано в июне 1918 г. следователями ВЧК и Ревтрибунала в протоколе допроса в качестве свидетеля по одному из уголовных дел комиссара польских отрядов МВО, а затем и члена Польского Комиссариата большевика Станислава Бабинского: «О польской комендатуре во главе с капитаном Подгурским знает, что она была организована по постановлению Главного Комитета Союза военных поляков для организации национальной польской армии... Руководила действиями ГКСВ — поляков Народно-Демократическая партия. Польские общественные организации, руководимые Нар. Дем. Партией вели ожесточенную борьбу с образованным по постановлению Совета Народных Комиссаров Польским Комиссариатом... В особенности ожесточенную травлю и борьбу вела Нац. Демократия идейно против контроля над польскими военными организациями... Польский Комиссариат совершенно не знал об издаваемых бюллетенях ЦИК Междупартийного Объединения в целях информации иностранных миссий о польских делах. О Лиге Боевой Готовности ничего не слышал и не знаю...»⁷ Прямо скажу — не многое знал комиссар польских военных отрядов в МВО. Фактически, он лишь пассивно наблюдал агитационно-пропагандистскую деятельность польских националистов, и поэтому ждать какой-либо помощи от него чекистам не приходилось. Добавлю, что в этом вопросе никак не проявилась довольно высокая общеобразовательная и политическая подготовка Бабинского. Ведь в этом плане он был на голову выше большинства сотрудников ВЧК и следователей

Ревтрибунала: окончил философский факультет Ягеллонского университета и Лесную академию, являлся доктором философии. Уже в 1913 г. был избран членом Варшавского комитета Социал-демократии Польши и Литвы, с мая 1917 г. представлял Социал-демократическую партию Королевства Польского и Литвы в Московском комитете РСДРП (б), входил в состав советской делегации на мирных переговорах в Бресте, работал в военной среде именно в Москве.

Союз военных-поляков практически не контролировался и Комиссариатом по польским делам Наркомнаца, хотя его существование, по большому счету, было «секретом полишинеля» для советских властей как в Петрограде, так и в столице. Деньги для лиц, входивших в Союз военнослужащих, выделял, а следовательно, и имел на них серьезное влияние, функционировавший в Москве (но нигде не зарегистрированный) Польский совет межпартийного объединения (далее — ПСМО). Руководство и военный отдел ПСМО поддерживали тесную связь с французской военной миссией (далее — ФВМ). И об этом следует сказать подробнее.

Решая свои национальные военно-политические задачи, французские дипломаты и офицеры из миссии не сразу определились по отношению к военнослужащим полякам — отправить ли их в Мурманск или Архангельск и далее — в Париж, либо использовать в России против большевиков. Они учитывали то обстоятельство, что руководство Союза военнослужащих-поляков еще летом 1917 г. изучало вопрос о реальной поддержке готовившегося генералом Л. Корниловым переворота и склонялось скорее к положительному ответу на обращенный к Союзу запрос заговорщиков⁸. Ф. Дзержинскому, члену созданного ВЦИКом Комитета народной борьбы с контрреволюцией, 2 сентября 1917 г. даже пришлось выступить в польской газете «Трибуна» со специально подготовленной статьей «Польские союзники Корнилова». Он писал: «Польская контрреволюция — это не измышление, это действительность, с которой должна считаться не только польская, но и русская революционная демократия»⁹. Ф. Дзержинский имел в виду конкретно деятельность ВПВК в Петрограде. В новых условиях, при власти большевиков, этот факт мог указывать разведчикам из ФВМ на некоторую возможность привлечения польских частей к закреплению предполагаемого успеха антисоветского восстания, подготовленного к концу мая 1918 г. Главным исполнителем в этом деле выступал спонсируемый французским дипломатическим представительством и ФВМ подпольный Союз защиты Родины и Свободы¹⁰ — контрреволюционная организация Б. Савинкова. Замечу, что этот политический деятель родился в семье русского чиновника в Польше, окончил в Варшаве гимназию, приобрел многочисленные связи в среде польских борцов с царизмом, с юности был знаком с будущим главой польского государства Ю. Пилсудским¹¹. В период Временного правительства, занимая пост военного министра, имел отношение к формированию польских воинских частей. Сразу после взятия власти большевиками, вместе с группой военных и политиков, среди которых был и близкий друг Пилсудского, бывший офицер царской армии К. Вендзягольский, пытался организовать сопротивление новой власти. Уже будучи в Москве весной 1918 г., поддерживал с последним контакт как с руководителем одной из польских подпольных организаций в Киеве¹². Так что связь

с Союзом поляков-военнослужащих Савинков мог без труда установить, выполняя указания ФВМ.

Следует подчеркнуть, что разведчики из ФВМ в феврале-апреле 1918 г. окончательно еще не решили кардинальный вопрос: стоит ли вообще свергать советскую власть вооруженным путем и привлекать для этого поляков в частности. По крайней мере, мне не удалось найти соответствующие материалы о принятии итогового решения о плане действий в фондах французского военного министерства, хранящегося в Российском государственном военном архиве.

Какое-то время французские военные и дипломатические представители в России выступали лишь в качестве арбитров в спорах поляков-конspirаторов о судьбе подчиненных им воинских формирований. Прибывший летом 1918 г. в Париж из Москвы один из членов ПСМО докладывал там, что речь идет о двух проектах: «1) организация людей и содержание их в состоянии боевой готовности для использования на Восточном фронте, 2) концентрация людей и пересылка их различными путями во Францию»¹³. Один из ведущих членов Совета межпартийного объединения и одновременно деятельный сотрудник еще одной польской организации — Гражданского комитета в Москве — ксендз Казимеж Лютославский настойчиво добивался от французов отправки поляков-военнослужащих из российской столицы и других городов через Мурманск и Архангельск во Францию для вступления их в создаваемый там польский корпус¹⁴.

ПСМО заключил соглашение с находившимся некоторое время в Москве бывшим командиром 2-го польского корпуса генералом Ю. Галлером. В соответствии с данным документом был создан мобилизационный подотдел, начавший функционировать с 15 июня 1918 г. Замещать уехавшего Галлера остался нелегально проживавший в Москве генерал Л. Желиговский. Он приступил к организации польских войск под единым началом. Предполагалось, что концентрация и передислокация воинских частей будет осуществляться в тайне от советских властей. В это же время, по поручению военного отдела ПСМО и при посредничестве ФВМ, К. Лютославский договорился с командованием чехословацких войск в России и направил в Сибирь группу офицеров с целью создания там воинских частей из военнопленных поляков. Таким образом, военнослужащие польской национальности весной и летом 1918 г. постепенно пополняли ряды контрреволюционных формирований на Севере и Востоке нашей страны. А в это время на заседаниях Польского национального комитета в Париже, претендовавшего на роль правительства будущей независимой страны, обсуждался вопрос о том, как побудить Францию и Англию к активной интервенции в Россию с целью свержения советской власти¹⁵.

Как видно из приведенных фактов, в Петрограде и в новой советской столице в начале весны 1918 г. обосновались не только некоторые польские воинские части, но и конспирирующие свою деятельность политические структуры, преследующие националистические цели и враждебно настроенные по отношению к власти большевиков. Однако, как я уже сказал, Московская чрезвычайная комиссия и отдел контрразведки МВО были слишком слабы, чтобы выявить конкретные факты тайной работы поляков. Лишь после переезда в новую столицу Всероссийской ЧК на них обратили внимание. Так, уже 23 марта на заседании

Президиума ВЧК был рассмотрен вопрос о внедрении секретного осведомителя в среду военнослужащих польских легионов. Конкретный пункт решения изложен следующим образом: «П.8. О Похопине. Утверждается по предложению Дзержинского негласным сотрудником по собиранию сведений среди польских легионов»¹⁶. После приведенной цитаты необходимо сделать небольшое пояснение. При подготовке одного из тематических сборников документов по истории отечественных спецслужб, где предполагалась публикация данного протокола заседания руководящего органа ВЧК, я и другие члены коллектива авторов-составителей не смогли найти в архиве ФСБ России никаких других данных, дающих возможность прокомментировать приведенный выше пункт решения. В частности, не удалось разыскать конкретную информацию, послужившую основой председателю ВЧК для постановки вопроса о необходимости агентурного наблюдения за легионами. Сведений о самом Похопине также не сохранилось. Можно лишь предположить, что он имел некоторое отношение к легионам и каким-то образом вышел на контакт с Дзержинским, предложив свои услуги. Видимо, возможности Похопина были достаточно серьезные, поскольку наряду с этим человеком, нам известно еще лишь об одном секретном сотруднике — А. Ф. Филиппове, которого непосредственно рекомендовал на тайную службу в ВЧК ее председатель¹⁷.

В одном из дел ВЧК за ранний период ее деятельности удалось найти справку по обследованию польских воинских частей в Москве от 31 марта 1918 г. Подписи под текстом нет. Но скорее всего, первичную информацию дал делопроизводитель польского полка А. Контримович, а далее работали сотрудники наружного наблюдения Всероссийской ЧК. Судя по тексту справки, польские части дислоцировались в разных районах Москвы, но совсем недалеко от центра. Так, 1-й польский легион располагался на Большой Садовой в доме № 104, по Новинскому бульвару в доме № 101 находился уланский полк, правда, состоящий из 16 офицеров, но настроенных резко против большевиков. Капитан Боулинский при поступлении в полк Контримовича заявил последнему, что он будет принят на службу только с тем условием, чтобы не признавать советскую власть¹⁸. Польское воинское подразделение располагалось и на Остоженке в доме № 20. Там, по данным ВЧК, имелся запас оружия и продовольствия. То же и на Пречистенке, в Дурновом переулке.

В Москве действовала, как отмечено ранее, так называемая комендатура ВПВК, именно того органа, на который Ф. Дзержинский указывал в процитированной выше статье от сентября 1917 г. В подчинении комендатуры находились некоторые польские части, а также и запасной батальон, сформированный ВПВК. После Октябрьской революции этот батальон стал называться польским стрелковым полком имени Бартоша Гловацкого. Полк насчитывал около 1500 человек. Дальнейшая судьба полка подробно описана в статье слушателя (на февраль 1920 г. — А. З.) Академии Генерального штаба В. Т. Дашкевича. Судя по тексту статьи, изобилующей интересными деталями, Дашкевич либо сам служил в полку, либо занимался им по поручению штаба МВО. «В начале марта 1918 г., — писал Дашкевич, — согласно решения штаба Московского военного округа, [полк] должен был переименоваться в интернациональную красноармейскую часть, причем в случае неисполнения этого требования лишался всех

видов довольствия, получаемых им из московского интендантства. Требование штаба исполнено не было. Благодаря суммам, полученным от Совета Междупартийного Объединения (в марте мес. 10 000 рублей), часть просуществовала до апреля месяца, когда по распоряжению ВЧК несколько чинов командного состава с командиром полка, полковником Маевским, во главе были арестованы, а полк расформирован»¹⁹.

Приведя данный фрагмент статьи Дашкевича, сделаю, лишь небольшое уточнение. Согласно тексту отчета заведующего военным отделом Комиссариата по польским делам Р. Лонгвы, именно он и его подчиненные, а не ВЧК инициировали ликвидацию польского стрелкового полка имени Бартоша Гловацкого, а также еще двух польских полков «советских войск южного направления»²⁰. Безусловно, в данном конкретном случае Комиссариат по польским делам действовал в контакте с чекистами.

К свидетельствам Дашкевича добавлю еще несколько фактов, почерпнутых из уголовного дела на командира польской воинской части. Полковник Казимир Болеславович Маевский долгое время служил в царской армии, участвовал в боях в период Первой мировой войны, был ранен и прибыл в Москву в конце 1917 г. для долечивания в госпитале. Здесь на него вышли представители Польской комендатуры (далее — ПК) и предложили стать командиром запасного полка и далее сформировать польскую бригаду. Как отмечено выше, ПК находилась в связи с военным отделом Польского Междупартийного объединения (далее — ПМПО), и через него — с ФВМ. По указанию ПК и ПМПО полковник Маевский пошел официальным путем к достижению поставленной цели — он готовил и направлял докладные записки военному руководителю Высшего Военного Совета генералу М. Б. Бонч-Бруевичу и даже наркому по военным делам Л. Троцкому. Полковнику удалось добиться нескольких личных докладов указанным советским военным деятелям, в ходе которых Маевский настаивал на практической реализации представленных им проектов. Не дожидаясь официального утверждения командующим МВО Н. И. Мураловым создания полка имени Бартоша Гловацкого, его командир сумел договориться о снабжении его всеми видами довольствия и права подписывать отпускные билеты и командировочные удостоверения. Это нужно было ПМПО и ПК для направления эмиссаров в места содержания военнопленных польской национальности австро-венгерской и немецкой армий и вербовки их в новые формирования. Причем Маевский официально заявлял, что комплектует будущую советскую стрелковую дивизию. Именно советскую, следовательно, подчиненную нашему военному командованию²¹. В это же самое время он несколько раз посещал главу ФВМ генерала Лаверня и получил от него (через ПМПО) более 20 тысяч рублей на содержание полка и поездки эмиссаров. Конспиративная деятельность и реальные планы полковника выяснятся позднее, когда 6 апреля 1918 г. он будет арестован ВЧК и допрошен, забраны при обыске все документы, подтверждающие его противосоветскую деятельность. Есть основания предполагать, что Маевский в определенной степени сотрудничал со следствием — возможно, под давлением добытых ВЧК улик и угрозы расстрела. Как бы там ни было, остается неопровержимым тот факт, что другие арестованные по его делу лица были осуждены, а некоторые и расстреляны. Однако в отношении

Маевского председатель ВЧК Ф. Дзержинский и комиссар польских советских частей С. Бабинский вышли с ходатайством в Президиум ВЦИК о прекращении уголовного дела и освобождении полковника из-под стражи. Президиум ВЦИК с этим согласился и принял 14 сентября 1918 г. соответствующее решение²². Замечу, что в это время уже действовал декрет СНК о красном терроре. На этом фоне вердикт по делу Маевского представляется чем-то экстраординарным. Правда, исполнять решение Президиума ВЦИК чекисты не торопились. На 3 октября Маевский все еще числился в Бутырской тюрьме. При этом он уже неделю находился на допросах в ВЧК²³. О дальнейшей судьбе полковника пока ничего неизвестно. Можно только предполагать, что вскрылись новые обстоятельства дела, потребовавшие отложить освобождение Маевского.

Совсем недавно, в ответ на мой запрос в Центральный архив ФСБ России, я вновь получил возможность, но теперь уже детально, изучить дело братьев Лютославских. Просмотрев его еще в конце 1990-х гг. и не имея перед собой специально задачу — изучить чекистские операции в 1918 г. именно по польской линии, я, к сожалению, тогда упустил много важной, на мой взгляд, информации по некоторым описанным раньше эпизодам. Она осталась невостребованной и при написании мной монографии о советской контрразведке в ранний советский период. Поэтому воспользуюсь сейчас материалами дела и уточню то, что осталось «за кадром» в процитированных выше фрагментах некоторых публикаций. Прежде всего это касается тех конспиративных польских военных структур, которые действовали в Москве в 1918 г.

Из уголовного дела братьев Лютославских выясняется, что в Москве действовало несколько строго конспиративных организаций, связанных с ПМПО и польской комендатурой. В первую очередь, это Лига Боевой Готовности (далее — ЛБГ) и Революционный Союз зарубежных поляков для борьбы за независимость (далее — СЗП).

Что стало известно чекистам от допрошенных лиц о первой? Она была создана в ноябре-декабре 1917 г. в Киеве, и якобы ею руководил некий офицер польских легионов А. Езерский. По крайней мере, при обыске у Иосифа Лютославского обнаружили письмо к нему от Главного коменданта Езерского с предложением создать и возглавить в качестве Коменданта Московское отделение ЛБГ²⁴. Цель данной структуры обозначалась следующим образом: агитация среди гражданского населения и военнопленных поляков в пользу образования польской вооруженной силы для борьбы с немцами и независимость Польши. Причем, судя по тексту письма, Езерский был вполне осведомлен об избрании И. Лютославского членом Исполкома ПМПО и его связях с военнослужащими-поляками в Москве. Этот факт свидетельствует об информированности подпольщиков в Киеве о состоянии дел в будущей столице советской России. Далее, в ответ на предложение Главного коменданта, на организационную встречу Московского отделения ЛБГ Лютославскому удалось собрать около 400 человек²⁵. Был создан штаб новой организации, но назвать чекистам его членов Лютославский категорически отказался. И еще одно, на мой взгляд, очень важное обстоятельство: при ЛБГ существовали военные курсы, которые функционировали в помещении спортивного общества «Сокол», патронировавшегося ПМПО. Под прикрытием

якобы проведения тренировок, члены ЛБГ получали начальные военные знания. И все это без ведома местных властей.

Сопоставление цели ЛБГ, нелегального характера ее деятельности и направленности проводимой подготовки ее членов позволяет сделать вывод, что под названием ЛБГ действовала Комендатура «Польской организации войсковой», созданной Пилсудским еще в 1914 г. В данном случае мы имеем дело с филиалом «Коменды начальной № 3 ПОВ» (КН-3) в Киеве — центральной для всех советских республик в 1918 г.

Подтверждением моего вывода являются материалы исследователя истории польских спецслужб профессора А. Пеплоньского, незнакомого, кстати говоря, с документами из уголовного дела на братьев Лютославских. Польский историк в одной из своих монографий указывает, что именно эти польские политические деятели руководили в Москве Комендатурой ПОВ²⁶. Уточню только, что этой работой непосредственно занимался лишь один из братьев — Иосиф Лютославский.

Из материалов уголовного дела о СЗП известно меньше, чем о ЛБГ. В протоколах допросов Иосифа Лютославского и члена СЗП Станислава Липковского содержится следующая информация: организация создана в начале 1918 г. в Воронеже польскими военнопленными. Некие ее организаторы обратились за финансовой помощью в военный отдел ПМПО, конкретно — к И. Лютославскому. Они же предложили создать отделение СЗП в Москве. Заняться этим делом было поручено некоему Мариану Гржегорчику. О нем известно лишь то, что он «был человек очень энергичный, был душой Московской организации»²⁷. Через него шло финансирование и ЛБГ, и СЗП, а также полка имени Бартоша Гловацкого. Гржегорчик был, по мнению чекистов, посвящен практически во все дела нелегальных польских организаций. Поэтому 29 апреля 1918 г., когда следователи получили некоторые сведения о его роли от Лютославских, председатель ВЧК Ф. Дзержинский подписал ордер на его арест. К сожалению, время было упущено, и подозреваемый в контрреволюционных действиях Гржегорчик, узнав об аресте братьев Лютославских, успел скрыться. Приведенными сведениями исчерпываются мои знания об ЛБГ и СЗП. Возможно, что отечественные и польские историки найдут новую информацию по данному вопросу и смогут дополнить сказанное.

При всей скудости имеющихся данных о работе по польской проблематике Всероссийской ЧК и военной контрразведки в первой половине 1918 г., но с учетом изложенного выше, можно, тем не менее, утверждать, что офицеры польских частей и некоторые польские политики, находившиеся в тот период в Петрограде, а также в Москве, проводили враждебную советской власти деятельность. Они не только наладили переправку военнослужащих-поляков в неконтролируемые большевистским правительством регионы, но и противодействовали полякам — сторонникам большевиков в реализации их шагов по привлечению соотечественников из числа солдат и офицеров в ряды Красной Армии. Существовала, кроме того, и гипотетическая возможность участия поляков в контрреволюционном заговоре под руководством Б. Савинкова. По крайней мере, известно, что среди участников восстаний, организованных Союзом защиты Родины и Свободы, в частности в Ярославле, были и польские офицеры²⁸.

Все это не могло не тревожить чекистов. Как уже было указано мной выше, решение о задействовании Похопина в качестве секретного сотрудника для проникновения в среду военнослужащих-поляков состоялось 23 марта, то есть всего через 10 дней после переезда ВЧК в новую столицу. Среди большого числа организационных вопросов, стоявших на повестке дня, у руководства ВЧК находилось время только для наиболее важных и неотложных в оперативном и следственном плане дел. Среди них оказалось и расследуемое «Объединенное дело польских белогвардейских легионеров»²⁹.

На основании ли данных, полученных от Похопина, или без его участия, но отдел по борьбе с контрреволюцией ВЧК провел обыски у легионеров, а также арестовал нескольких членов Польской комендатуры, однако ничего компрометирующего тогда обнаружить не удалось. Их допросы не дали результатов, поэтому уже 9 апреля 1918 г. на заседании ВЧК по предложению члена Коллегии и одновременно заведующего отделом по борьбе с контрреволюцией И. Н. Полукарова было принято решение «о выдаче польским легионерам жалования из отобранных у них 6 720 рублей ввиду крайне бедственного их состояния и отобрания с них подписки о срочном выезде из Москвы»³⁰. Этим самым чекисты, пусть и с опозданием, но пытались не допустить создания в столице объединенного польского военно-политического центра. Однако процесс переброски поляков на Север и в Сибирь не прекращался. Через Москву на Мурманск и далее во Францию ехали легионеры не только из Белоруссии, но и с Украины, из оперировавших там 2-го и 3-го польских корпусов. Историкам известен, к примеру, факт передвижения по такому маршруту командира 2-го польского корпуса генерала Ю. Галлера в мае 1918 г.³¹ Находившийся в корпусе адъютант и доверенное лицо Ю. Пилсудского Б. Венява-Длугошовский намеревался последовать в Париж вслед за комкором, и прибыл из Киева в Москву. Ему повезло меньше. В российской столице он был арестован ВЧК, содержался некоторое время на Лубянке и в Бутырках, но затем по каким-то соображениям освобожден. В сентябре он беспрепятственно отправился в Варшаву. А вот к другим легионерам относились более строго. Даже рядовых солдат освобождали порой только после рассмотрения их дел на заседаниях руководства ВЧК или местных ее органов³². Некоторые авторы указывают, что Венява-Длугошовский прибыл в Москву в составе некой дипломатической миссии, стремясь тем самым указать на «беззаконную» деятельность чекистов, нарушивших его неприкосновенность³³. Действительно, летом и осенью 1918 г. бывали и задержания иностранных дипломатических сотрудников, и обыски в посольствах и консульствах. Однако здесь совсем иной случай, поскольку самостоятельного польского государства тогда еще не существовало, а следовательно, никаких его дипмиссий не могло и быть. Более того, есть свидетельства о заключении Венявы-Длугошовского в тюрьму вместе с группой польских солдат и офицеров, тайно направлявшихся на Мурман. Вот, к примеру, что вспоминал о времени своего ареста в Москве в июле 1918 г. В. Клементьев — один из ближайших соратников активного борца с советской властью Б. Савинкова: «Во главе у них (арестованных. — А. З.) Венява-Длугошовский. Поляки здесь временно. Их везут “на казенный счет в Польшу”»³⁴. В делопроизводственных документах ВЧК за 1918 г. нет упоминания

о том, на каком основании был освобожден из тюрьмы Венява-Длугошовский. Польские историки, в частности М. Волос, выдвигают версию о личном указании главы ВЧК Дзержинского. Его якобы просил об этом известный адвокат Л. Берензон, защищавший Феликса Эдмундовича и брата Венявы-Длугошовского на судебных процессах в царское время³⁵. Возможно, так оно и было. Но для нас более важно определить другое: откуда Клементьев знал Веняву-Длугошовского? Ведь он не жил и не служил до революции в Польше. Поэтому возникает вопрос: не находился ли адъютант Пилсудского со своими соратниками в контакте с подпольной организацией Савинкова при посредничестве ФВМ?

Стоит обратить внимание и на то, что упомянутый выше генерал Галлер в конечном итоге добрался северным маршрутом (через Мурманск) до Парижа именно при помощи ФВМ. Нет сомнений, что «туристам» и во многих других случаях помогала ФВМ — и не из сострадания к полякам, а преследуя интересы своего государства. Именно французы стали основным «спонсором» при создании армии и специальных служб Польши, готовили и подталкивали их руководящий состав к борьбе против РСФСР и других советских республик.

Что касается чекистов, то они уже в 1918 г. поняли, кто стоит за спиной легионеров. Приведу в подтверждение этого лишь два примера. 2 июля 1918 г. газета «Известия ВЦИК» опубликовала статью с обзором одной успешной операции ВЧК. Сообщалось, что чекисты получили сведения о неизвестной им ранее подпольной организации, занимающейся вербовкой среди чехословаков и поляков добровольцев в контрреволюционные отряды. «При этом, — отмечал корреспондент, — имелись точные указания об активном участии в этой организации одной из миссий союзного дипломатического корпуса... Филиальные отделения этой конспиративной организации имелись почти во всех крупных городах Советской республики. По-видимому, вербовка контрреволюционных отрядов происходила по определенному плану и указаниям из центра. Вчера ВЧК по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией стало определенно известно, что в 9 часов вечера на Ярославском вокзале приготовлено два вагона для посадки на вербованных добровольцев — чехословацких и польских офицеров. ВЧК при проверке сведений на месте обнаружила два вагона в составе поезда, отправляющегося на Вологду, специально предназначенных для добровольцев, которые официально назывались солдатами французской армии... Когда погрузка людей кончилась, ВЧК... отцепила вагоны и арестовала всех находящихся там лиц. При них были найдены бумаги, выданные французской миссией... Когда сотрудники ВЧК начали допрашивать арестованных о направлении и цели их пути, то эти мнимые французы оказались почти ни слова не понимающими по-французски. Арестовано 45 человек, главным образом офицеров. Из дальнейших допросов выяснилось, что вербовкой непосредственно занималась французская миссия, причем все дело было сосредоточено в руках секретаря этой миссии поляка Юльского. Во главе отряда стоял капитан Поппельский»³⁶.

Второй случай привел в своем выступлении на конференции чрезвычайных комиссий Северной Коммуны делегат от комиссии Мурманской железной дороги Ярославцев. Он рассказал, что удалось раскрыть несколько крупных (по меркам местной ЧК. — А. З.) заговоров. Среди них и заговор польских легионеров.

По данному делу было арестовано 200 человек³⁷. Следствие по польским легионерам чекисты продолжали до конца 1918 г. Итоговым можно считать одно из сообщений, подготовленное сотрудниками ВЧК для прессы. В газете «Известия ВЦИК» от 4 декабря, в разделе, посвященном деятельности чрезвычайных комиссий, появилась заметка под заголовком «Дело бывших польских легионеров». В ней кратко излагался ход начатого еще в июне следствия, указывались фамилии организаторов переправки военнослужащих на Север и в Сибирь видных членов польской партии национальных демократов профессора В. Грабского, ксендза К. Лютославского, а также генерала Галлера. В конце заметки приведено следующее решение руководства советской спецслужбы: «ВЧК, рассмотрев все данные и принимая во внимание, что бывшие легионеры были обмануты своими вождями, постановила всех задержанных из-под стражи освободить, предоставив им возможность возвращения на родину»³⁸. Скорее всего, такой вердикт был продиктован необходимостью оказать поддержку Народному комиссариату по иностранным делам РСФСР, предпринимавшему в тот период попытки снять напряженность в советско-польских отношениях.

Через полтора года о делах на польских легионеров посчитал необходимым вновь упомянуть заместитель председателя ВЧК М. Лацис. В своей небольшой книге, увидевшей свет в 1920 г. и предназначенной для лекторов и агитаторов, он воспроизвел упомянутые выше сообщения и газетные статьи. При этом, для усиления читательского внимания, автор снабдил свой материал характерными заголовками типа: «Вербовка польских легионеров на Мурмане», «Польская военная организация»³⁹ и т. д. Приведенные в книге операции по полякам сопоставимы по объему материала с описанным в этом же издании делом британского дипломата Р. Локкарта и операцией по раскрытию подпольной организации Б. Савинкова. Это придает работе по полякам в 1918 г. весомость, подчеркивает одинаковую опасность данных враждебных проявлений для безопасности страны. Понятно, что книга готовилась уже в 1920 г., возможно, даже после начала советско-польской войны и была призвана подчеркнуть враждебное отношение к советской России со стороны Англии, Франции и, конечно же, Польши. Но приведенные в книге факты не являлись вымыслом, они полностью подтверждаются документами, сохранившимися в российских и иностранных архивах.

К 1918 г. относятся и оперативно-следственные мероприятия в отношении двух братьев Лютославских. Они происходили из известной в Польше семьи, проживали в Варшаве и в 1915 г. эвакуировались в Москву ввиду наступления немцев. Как я уже упомянул, один из братьев — Казимеж Францевич Лютославский являлся членом военного отдела ПСМО и по поручению данного органа занимался отправкой польских военнослужащих во Францию при посредничестве ФВМ и под ее контролем. Второй брат — инженер Марьян (в некоторых документах указано имя Мариан. — А. З.) состоял в должности уполномоченного Центрального обывательского комитета Царства Польского, но с начала 1918 г. занялся подпольной работой против новой российской власти по указаниям ФВМ. Он так же как Казимеж и Иосиф, занимался нелегальной переправкой бывших польских легионеров на Север и на территорию, контролирующую чехословацким

корпусом в Сибири. Кстати говоря, в Сибири уже летом 1918 г. неким Польским военным комитетом формировалась 5-я польская стрелковая дивизия. Активное участие в ее создании принимали тайно выехавшие из Москвы по поручению ПСМО и при помощи братьев Лютославских бывшие легионеры: капитан Р. Воликовский, майор В. Чума и поручик Э. Доян-Мишевский. Польские воинские части создавались при Чехословацком корпусе по договору с Чехословацким национальным советом, к чему опять же приложил усилия К. Лютославский⁴⁰. Поездка в Сибирь была осуществлена в полном взаимодействии ПСМО с легально действовавшим в Москве еще с начала ноября 1917 г. ВПВК, конкретно — с его мобилизационным отделом, о деятельности которого ВЧК не имела никакой информации. В середине февраля 1918 г. чекисты арестовали некоторых руководителей ВПВК во главе с подполковником Подгурским, однако не добились от них показаний о тайно проводимых мероприятиях. Удалось лишь выяснить, что ВПВК, скрывая свои истинные цели, участвовал в формировании в Москве Польского резервного полка, впоследствии переименованного в Батальон обороны казначейства польского народа, а затем — в полк имени героя польского восстания под руководством Костюшко Бартоша Гловацкого. Только после ареста Марьяна и Иосифа Лютославских, а также командира полка полковника К. Б. Маевского, в ходе следствия по ним, чекисты выяснили, что они принимали деятельное участие в формировании контрреволюционных отрядов на основе вышеупомянутого полка имени Бартоша Гловацкого⁴¹. Как было установлено, 24 марта 1918 г. Иосиф Лютославский провел совещание с главой ФВМ генералом А. Лавернь и обсудил план организации и пересылки польских отрядов во Францию и в Сибирь.

Об этих контактах и существовании переговоров чекисты не имели сведений из своих негласных источников. Ведь в первой половине 1918 г. по представительствам союзных войск ВЧК практически не действовала. Да и самого использования агентуры как системы работы чекисты, включая и самого руководителя ВЧК Ф. Дзержинского, тогда не признавали. Только в мае, после операции по савинковскому Союзу защиты Родины и Свободы, они смогли констатировать реальную разведывательно-подрывную активность со стороны дипломатических и военных работников Англии и Франции в советской России.

Иностранные представители не ограничивались только сбором военной, политической и экономической информации. Они поддерживали, а иногда и сами организовывали акции, направленные на низвержение большевистской власти. Кроме заговоров, террористических покушений на известных деятелей РКП (б) и правительства, операций в экономической сфере, они разрабатывали и проводили мероприятия по подрыву авторитета большевиков в народных массах. Наиболее известной на сегодняшний день операцией является распространение фальшивых документов о сотрудничестве некоторых советских руководителей с немецкой разведкой в деле разрушения российской армии и государственности. Некоторые публицисты и даже историки, как у нас в стране, так и за границей, до сих пор отказываются признать подделками запущенные в 1917–1918 гг. в оборот «документы». Такие авторы намеренно игнорируют убедительные исследования широко известного американского дипломата

и историка Дж. Кеннана⁴² и российского ученого — доктора исторических наук, профессора В. И. Старцева⁴³. Не вдаваясь в детальное рассмотрение их работ, отмечу только то, что имеет отношение к рассматриваемым мною вопросам, а именно к действиям польских подпольщиков в Петрограде и в Москве в 1918 г.

В. И. Старцев однозначно утверждал (и я с ним полностью согласен), что автором фальшивок является писатель и журналист, поляк по национальности Фердинанд Оссендовский⁴⁴. Его имя впервые встретилось мне еще в 1990-е гг., когда я готовил монографию по истории отечественной контрразведки⁴⁵. Оказалось, что Оссендовский, будучи журналистом (пишущим под псевдонимом «Мзура») и помощником редактора газеты «Вечернее время», начиная с 1916 г. не раз обращался в военные и военно-морские органы царской контрразведки с предложениями передать якобы имевшиеся у него материалы о немецком шпионаже в Российской империи⁴⁶. Однако в контрразведывательных учреждениях не спешили брать сведения журналиста за основу расследований, поскольку они не указывали на первоисточник. Скорее, это были некие размышления Оссендовского, основанные на открытой и всем доступной информации, а также и на разного рода слухах. После падения царского режима «Мзура» вновь и вновь бомбардирует своими предложениями теперь уже контрразведку Временного правительства. В итоге он добился приема в отделе Генерал-Квартирмейстера Генштаба у полковника М. Ф. Раевского, отвечавшего за организацию курсов контрразведки. С Оссендовским заключили контракт, и он стал читать курс лекций под общим названием «Противодействие торговому шпионажу»⁴⁷. Чтобы поднять свою значимость, лектор неоднократно упоминал, что немецкая разведка вынесла ему смертный приговор за вскрытие ее агентурной работы в России⁴⁸. В общем, он вдохновенно и умело превращал ложь в подобие правды. После Октябрьской революции Оссендовский, являясь откровенным противником новой власти, установил контакт с французской разведкой, а конкретно с резидентом 2-го Бюро Генштаба Франции капитаном П. Лораном, через своего коллегу по работе в газете «Вечернее время» Е. П. Семенова-Когана. Французский разведчик специализировался на фальсификации документов, якобы доказывающих связь большевиков с немецкими разведслужбами⁴⁹. Именно ему и продал Оссендовский несколько изготовленных фальсификатов, которые стали известны в исторической литературе как «документы Сиссона». В одном из своих писем друзьям Е. Семенов указывает следующее: «Я представил г. N некоторым союзным посольствам, которым он передал списки нескольких тысяч названий фирм и имен агентов, работавших на Германский Главный штаб в России, Финляндии, *Польше* (выделено мной. — А. З.) и за границей. Я эти списки передал в феврале 1918 г. Сиссону для правительства Сев. Ам. Соед. Штатов»⁵⁰. Далее вполне уместно процитировать В. И. Старцева — исследователя деятельности Оссендовского как фальсификатора. Вот что он пишет относительно польской темы в «разоблачительных документах»: «Сложными были взаимоотношения с поляками. Временное правительство торжественно пообещало, что после победы над Германией будет воссоздано сильное независимое польское государство из всех его трех частей. Было разрешено формирование польских частей, возникли десятки польских общественных организаций разных направлений,

продолжал действовать созданный еще царским правительством Ликвидационный комитет по делам Царства Польского. Большевики постепенно стали закрывать все эти организации, сосредоточив управление польскими делами в своем специальном комиссариате. Это вызвало недовольство большинства несоциалистической польской общественности в Петрограде и по всей стране. Как тогда понимали поляки, Советская Россия, ищущая мира с фактическим победителем в войне, не будет бороться за интересы возрождения Польши и намерена уступить ее Германии. Поэтому количество врагов большевиков среди поляков резко увеличилось. Русские поляки посчитали, что их надежды теперь связаны только с союзниками. Если они выиграют войну, Польша будет независимой, если нет — стонать полякам под германским и австрийским сапогом. Если же удалось бы подтолкнуть союзников к свержению большевистского правительства или оказанию эффективного давления на него, то Россия еще смогла бы сыграть какую-то роль в достижении польской независимости. Так, кроме многолетней ненависти к немцам и только что родившейся ненависти к большевикам, А. М. Оссендовского толкал к изобретению новых «документов» для союзников и священный польский национальный эгоизм⁵¹. Таким образом польская проблематика стала появляться в фальсификатах, посвященных Брест-Литовским переговорам.

Теперь подошло время возвратиться к аресту чекистами 23 апреля 1918 г. братьев Лютославских. Статья (а не краткое сообщение. — А. З.) об этом была напечатана в центральной правительственной газете «Известия ВЦИК» 4 мая, когда сотрудники ВЧК посчитали возможным довести до общественности некоторые результаты следствия. Заголовок статьи указывал на сущность обвинения, предъявленного братьям — «Фабрикация провокационных документов»⁵². Корреспондент писал, что при обыске на квартире у Марьяна Лютославского были найдены документы, предназначавшиеся для передачи иностранным миссиям. «Содержание их таково, — указывает автор статьи, — чтобы скомпрометировать власть Рабоче-Крестьянского правительства в глазах народов». Братья отказались сообщить следователям, откуда они взяли эти документы, но признали своими записи, поясняющие изъятые материалы, а также то, что они изготовили несколько копий фальшивки с целью распространения в кругах польской общественности. В одном из «документов» говорилось, что представители русского и германского командования еще до заключения мира подписали тайное соглашение от 22 декабря 1917 г. по польскому вопросу, согласно которому польский народ отдается во власть немцев. И за это якобы большевистские лидеры получили огромные деньги. В тексте «соглашения» предусматривалось лишение поляков-военнопленных продовольственных пайков и перевозка их тайным способом на работы в Германию. Последнее как нельзя лучше подходило для соответствующей обработки легионеров.

Подготовленная Оссендовским фальшивка сохранилась в Национальном архиве США, где с ее текстом ознакомился российский историк В. И. Старцев. В «документе» говорилось о том, что на совещании представителей Германии и большевистской России пришли к следующему заключению: «Польская политика направляется германским правительством. Русское правительство

не вмешивается в польские внутренние дела и поэтому не имеет права защищать или выступать против: 1) отделения нефтяного и металлургического бассейна в Домброве, который аннексируется Германией; 2) ограничения права лиц польского происхождения заниматься нефтяной промышленностью в Галиции; 3) против отделения и административного устройства Холмской губернии; 4) согласованной внутренней политики Германии, Австро-Венгрии, Украины, Курляндии, Эстляндии и Лифляндии, касающейся Польши; 5) против экономической политики Германии и Австро-Венгрии в Познанской губернии и Галиции и в польских районах, аннексируемых Германией от России»⁵³. Как представлялось автору фальшивки, союзники просто обязаны были возмутиться действиями советских руководителей, предпринять против них жесткие меры и одновременно сделать все для возбуждения поляков против новой власти в России, подталкивая их к борьбе за свои «ущемленные» права.

В пояснительной записке к фальшивке, подготовленной неизвестным автором, говорилось: «Нужно добавить, что по крайней мере два местных поляка были арестованы по случаю этих документов и обвинены, среди прочего, в их подделке»⁵⁴. Нет сомнения, что этими людьми были братья Лютославские — Марьян и Иосиф. Они, по всей видимости, путем распространения фальшивых документов намеревались побудить сомневавшихся военнотружущих-поляков к вступлению в формируемые части и выезду на Север, либо в Сибирь для участия в борьбе с большевиками.

Материалы уголовного дела позволяют подтвердить мой вывод относительно намерения Лютославских распространить именно фальшивки Оссендовского. Обнаруженные профессором Старцевым в американских архивах «документы» этого фальсификатора, касающиеся польской проблематики, текстуально совпадают с теми, что сохранились в деле братьев Лютославских⁵⁵. Как выяснилось в ходе следствия, эти «документы» Марьян Лютославский привез ориентировочно 19–20 апреля 1918 г. из Петрограда, и это совпадает по времени и месту нахождения Оссендовского перед бегством в Сибирь.

Судебный процесс над Лютославскими должен был состояться в Москве в начале осени 1918 г. По непонятным до сего времени причинам, ВЧК передала все материалы дела в Ревтрибунал, где расследование взяла в свои руки заведующая следственной частью Е. Розмирович. В собственноручно написанной биографии она не указывает на получение какого-либо образования кроме женской гимназии. Впрочем, в первые годы советской власти для занятия должности в судебных органах, таких как трибуналы, не требовалась юридическая подготовка. Однако отсутствие такой квалификации напрямую влияло на качество расследований. Вот и в случае с братьями Лютославскими мы видим поверхностность в доказывании деяний, ими совершенных. Защищавший братьев в ходе трибунальского следствия адвокат С. Кобяков в воспоминаниях подробно описывает, используя, конечно же, лишь свою аргументацию, успешное опровержение участия подсудимых в распространении фальшивок Оссендовского. Это же касается и связей с командованием польского полка. Защитник опроверг какие-либо антиправительственные мотивы у Лютославских в деле формирования данной воинской части и частичном финансировании ее офицеров. Сам факт пополнения личного

состава полка вновь прибывающими в Москву военнослужащими, включая и бывших военнопленных, он объяснил личным одобрением этих действий со стороны наркома по военным делам Л. Троцкого. Вызвать же на заседание трибунала «вождя» Красной Армии для дачи пояснений Розмирович не решилась⁵⁶. Так дело могло дойти и до оправдания подсудимых или, в худшем случае, до приговора к содержанию в концлагере до конца гражданской войны, как это часто применялось при формулировании окончательного решения трибунала. Но 5 сентября 1918 г., в связи с покушением на В. И. Ленина, был объявлен Декрет Совнаркома «О красном терроре», и на его основании в этот же день Лютославские вместе с несколькими царскими министрами были расстреляны⁵⁷.

Подытоживая все сказанное выше, можно утверждать следующее:

1. Впервые с польской проблематикой ВЧК столкнулась уже в самом начале 1918 г., когда 1-й польский корпус во главе с генералом Довбор-Мусницким выступил против новой власти. Некоторые политики и общественные деятели польской национальности, проживавшие в советской России, пытались организовать пополнение корпуса. Происходило это путем направления в район его оперирования соплеменников из числа бывших военнослужащих разваливающейся русской армии, а также военнопленных.

2. ВЧК и военная контрразведка не располагали в это время какими-либо оперативными возможностями в польских кругах. Метод агентурного проникновения в интересующую среду еще не стал основным в работе советских спецслужб.

3. В этих условиях польские политики могли беспрепятственно создавать на территории РСФСР неподконтрольные властям организации для решения некоторых задач в русле подготовки к образованию независимого польского государства. Несмотря на разницу в подходах к достижению цели у ряда политических и общественных деятелей, все они сходились в одном — необходимости создания воинских частей как некоего ядра будущей армии. Эта деятельность маскировалась под формирование сил для отпора германским войскам.

4. Реализации тайных планов помогала ФВМ. От нее шли финансовые средства, а также указания и конкретная помощь в организации переправки поляков-военнослужащих и бывших военнопленных на Север и в Сибирь. Там предполагалось создать антибольшевистские силы, подконтрольные союзникам — будущим интервентам.

5. Одним из эффективных способов убедить польских солдат и офицеров в необходимости сопротивления советской власти считалось распространение фальшивых документов, содержащих информацию о состоявшихся якобы тайных договоренностях между большевистскими лидерами и германским командованием. Предмет этих договоренностей — недопущение полной независимости Польши, взятие под контроль ее экономики и финансов, ущемление прав польского народа. Изготовителем фальсификатов являлся журналист польского происхождения Оссендовский, а размножением и распространением их занялись видные политики-конспираторы братья Лютославские.

6. Предпринятые органами ВЧК в апреле-июле 1918 г. мероприятия, включая и арест Лютославских, позволили сорвать планы ФВМ и польских националистов.

- ¹ *Сташкевич Н. С.* Приговор революции. Крушение антисоветского движения в Белоруссии 1917–1925. Минск, 1985. С. 153.
- ² Военная энциклопедия: В 8 т. Т. 3. М., 1995. С. 92.
- ³ Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии. 1917–1921 гг.: Сб. док. / Ред. колл.: Г. А. Белов [и др.]. М., 1958. С. 93–95.
- ⁴ Там же. С. 96.
- ⁵ Там же. С. 346.
- ⁶ Там же. С. 338.
- ⁷ Центральный архив ФСБ России (далее — ЦА ФСБ России). АУД. Р-42054. Т. 2. Л. 45.
- ⁸ Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии. С. 121.
- ⁹ *Дзержинский Ф. Э.* Избр. произв. Т. 1. М., 1977. С. 162.
- ¹⁰ Союз защиты Родины и Свободы — контрреволюционная военная подпольная организация, созданная Б. Савинковым в феврале-марте 1918 г. с целью свержения советской власти. Имела разветвленную сеть в нескольких городах центральной России (Казань, Москва, Муром, Рыбинск, Ярославль и др.). Заговорщики получили от Франции 3 млн руб. для организации переворота. Общий состав организации достигал 5 тыс. человек. В мае-июле 1918 г. заговор был раскрыт чекистами. Вооруженные выступления в нескольких городах были быстро подавлены.
- ¹¹ Борис Савинков на Лубянке. Документы / Сост. В. К. Виноградов и др.; науч. ред. А. Л. Литвин. М., 2001. С. 437.
- ¹² Там же. С. 538.
- ¹³ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1963. Т. 1. С. 384.
- ¹⁴ Там же. С. 405.
- ¹⁵ Там же. С. 379.
- ¹⁶ Левые эсеры и ВЧК: Сб. док. / Науч. ред. А. Л. Литвин; сост. В. К. Виноградов. Казань, 1996. С. 56.
- ¹⁷ Речь идет об издатель газет А. Ф. Филиппове. См.: Очерки истории Российской внешней разведки. Т. 2. М., 1996. С. 19–24.
- ¹⁸ ЦА ФСБ России. АУД. Р-42054. Т. 1. Л. 297.
- ¹⁹ *Дашкевич В.* О польской вооруженной силе в России за время с 1 июня 1913 г. по 1 июня 1918 г. Историческая справка // Военно-исторический сборник. Вып. 4. М., 1920. С. 178.
- ²⁰ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 1. С. 393.
- ²¹ ЦА ФСБ России. АУД. Р-42054. Т. 1. Л. 295.
- ²² Там же. Т. 2. Л. 155.
- ²³ Там же. Т. 3. Л. 33.
- ²⁴ Там же. Т. 1. Л. 116.
- ²⁵ Там же. Т. 2. Л. 28.
- ²⁶ *Replonski A.* Wywiad w wojnie polsko-bolszewickiej. 1919–1920. Warszawa, 1999. P. 35.
- ²⁷ ЦА ФСБ России. АУД. Р-42054. Т. 2. Л. 29.
- ²⁸ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 1. С. 443.
- ²⁹ Архив ВЧК: Сб. док. М., 2007. С. 255.
- ³⁰ Там же. С. 207.
- ³¹ *Волос М.* Польская военная организация в России и на Украине в 1917–1918 годах // Революционная Россия 1917 года и польский вопрос: новые источники, новые взгляды: Сб. ст. М., 2009. С. 202.
- ³² Ежедневник ВЧК. № 6. 27 октября 1918 г. // ВЧК уполномочен заявить... 1918. М., 2004. С. 226.
- ³³ См. статью о Веняве-Длугошовском в «Википедии»: Венява-Длугошовский, Болеслав // https://ru.wikipedia.org/wiki/Венява-Длугошовский,_Болеслав (дата обращения: 10.03.2016).
- ³⁴ *Клементьев В. Ф.* В большевистской Москве (1918–1920). М., 1998. С. 230.
- ³⁵ Bolesław Wieniawa-Długoszowski // https://pl.wikipedia.org/wiki/Bolesław_Wieniawa-Długoszowski (дата обращения: 10.03.2016)
- ³⁶ Известия ВЦИК. 1918. 2 июля.
- ³⁷ Ежедневник ВЧК № 6. 27 октября 1918 г. // ВЧК уполномочен заявить... С. 255.
- ³⁸ Известия ВЦИК. 1918. 4 декабря.

- ³⁹ *Лацис (Судрабс) М. Я.* Два года борьбы на внутреннем фронте. Популярный обзор. М., 1920. С. 18–19, 36–38.
- ⁴⁰ *Ганин А.* Последний генштабист // *Родина*. 2010. № 8. С. 84.
- ⁴¹ Известия ВЦИК. 1918. 4 мая.
- ⁴² *Кеннан Г. Ф.* The Sisson Documents // *The Journal of Modern History*. 1956. Vol. 28. June.
- ⁴³ *Старцев В. И.* Немецкие деньги и русская революция. Ненаписанный роман Фердинанда Оссендовского. СПб., 2006.
- ⁴⁴ В некоторых изданиях Ф. Оссендовского именуют Фердинандом Антонием или Антоном Мартыновичем.
- ⁴⁵ *Зданович А. А.* Отечественная контрразведка. 1914–1920. Организационное строительство. М., 2004.
- ⁴⁶ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 2000. Оп. 13. Д. 88. Л. 12–12 об.
- ⁴⁷ Там же. Д. 18. Л. 27.
- ⁴⁸ Там же. Л. 25 об.
- ⁴⁹ *Попова С. С.* Между двумя переворотами. Документальные свидетельства о событиях лета 1917 года в Петрограде по французским и российским архивным источникам. М., 2010. С. 14.
- ⁵⁰ *Старцев В. И.* Немецкие деньги и русская революция. С. 33.
- ⁵¹ Там же. С. 70.
- ⁵² Известия ВЦИК. 1918. 4 мая.
- ⁵³ *Старцев В. И.* Немецкие деньги и русская революция. С. 163.
- ⁵⁴ Там же. С. 165.
- ⁵⁵ ЦА ФСБ России. АУД. Р-42054. Т. 1. Л. 17–19.
- ⁵⁶ *Кобяков С.* Красный суд. Впечатления защитника в революционных трибуналах // *Архив русской революции*. М., 1991. Т. 7. С. 272.
- ⁵⁷ В газетных сообщениях ошибочно указывалось, что среди расстрелянных были некие Любомирские. На самом деле, расстреляли братьев Лютославских.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Зданович А. А. Чекистские операции по польской линии в 1918 г. // *Новейшая история России*. 2016. № 3 (17). С. 7–26. DOI 10.21638/11701/spbu24.2016.301
УДК 94 (47).084.3

Аннотация: В статье анализируется деятельность ВЧК в 1918 г. по выявлению антисоветских подпольных польских организаций и групп. На основе разнообразных архивных материалов, в том числе Центрального архива ФСБ РФ, Российского государственного военно-исторического архива, автор рассматривает деятельность Верховного Польского Военного Комитета, Союза Военных Поляков, Лиги Боевой Готовности, а также Польского совета междупартийного объединения. В значительной степени успех их деятельности в первой половине 1918 г. был связан с финансированием со стороны французской военной миссии и отсутствием навыков агентурной военной работы в органах ВЧК. Более того, длительное время польским военным организациям удавалось получать денежное содержание и от советских органов власти, которые надеялись сформировать на их основе интернациональные отряды. В статье проанализированы основные направления деятельности этих организаций. Среди ключевых направлений, выявленных органами ВЧК в 1918 г., была вербовка в антибольшевистские польские военные подразделения на Востоке и Севере России, а также участие в антисоветской пропаганде, фальсификации документов советских органов власти с целью ее дискредитации. Постепенное совершенствование методов работы ВЧК, в том числе внедрение системы секретных осведомителей, провал ряда пунктов вербовки и пунктов переправки на Север, позволили ВЧК раскрыть содержание их деятельности летом 1918 г. В период красного террора 1918 г. многие из участников антисоветского польского подполья в Москве были расстреляны. Тем самым были сорваны планы французской военной миссии и польских военных организаций по свержению советской власти в центральных регионах России, а также ликвидирован один из источников формирования польских дивизий на Севере и Востоке страны.

Ключевые слова: ВЧК, поляки, военные организации, красный террор.

Сведения об авторе: доктор исторических наук, профессор, Академия военных наук (Москва, Россия); zdanovich52@gmail.com

FOR CITATION

Zdanovich A. A. 'ТЧК Polish Operations in 1918', *Modern history of Russia*, no 3, 2016. P. 7–26. DOI 10.21638/11701/spbu24.2016.301

Abstract: The author analyses Cheka's activity in the field of searching for Polish underground organizations in 1918. The article based on archival materials, including documents from Central archive of FSB, Russian state historic military archive. The author tells about different Polish military organizations. Their success at the start of 1918 was provided with a backing of French military mission and with a lack of covert intelligence work experience among Cheka members. In fact, Polish military organizations succeeded during a long period in raising of funds from Soviet government, because the Soviet regime hoped to create international troops. The author describes main types of such organizations, including enlistment in Polish anti-bolshevist military groups all over the North and East of Russia, anti-bolshevist propaganda, adulteration of documents. Gradual improvement of Cheka's methods, including implementation of informers, helped to search this activity in the summer of 1918. During the period of Red Terror, many members of Polish military organizations were shoot. It punctured a scheme of deposing the Soviet government.

Keywords: VTЧК, Poles, Military Organizations, Red Terror.

Author: Doctor of History, Professor, Academy of Military Sciences (Moscow, Russia); zdanovich52@gmail.com

References:

- 1 Stashkevich N. S. *Prigovor revoljucii. Krushenie antisovetskogo dvizhenija v Belorussii 1917–1925* (Minsk, 1985).
- 2 *Voennaja enciklopedija, Vol. 3* (Moscow, 1995).
- 3 *Iz istorii Vserossijskoj Chrezvychajnoj komissii. 1917–1921 gg.: Sb. dok.*, Eds. G. A. Belov and others (Moscow, 1958).
- 4 Dzerzhinskiy F. E. *Izbr. proizv., Vol. 1* (Moscow, 1977).
- 5 *Boris Savinkov na Lubjanke. Dokumenty*, Comp. V. K. Vinogradov and others, Ed. A. L. Litvin (Moscow, 2001).
- 6 *Dokumenty i materialy po istorii sovetsko-polskikh otnoshenij, Vol. 1* (Moscow, 1963).
- 7 *Levye esery i VChK: Sb. dok.*, Ed. A. L. Litvin, Comp. V. K. Vinogradov (Kazan, 1996).
- 8 *Ocherki istorii Rossijskoj vneshnej razvedki, Vol. 2* (Moscow, 1996).
- 9 Dashkevich V. 'O polskoj vooruzhennoj sile v Rossii za vremja s 1 ijunja 1913 g. po 1 ijunja 1918 g. Istoricheskaja spravka', *Voенно-istoricheskij sbornik, Iss. 4* (Moscow, 1920).
- 10 Peplonski A. *Wywiad w wojnie polsko-bolszewickiej. 1919–1920* (Warsaw, 1999).
- 11 *Arkhiv VChK: Sb. Dok* (Moscow, 2007).
- 12 Volos M. 'Polskaja voennaja organizacija v Rossii i na Ukraine v 1917–1918 godakh' in *Revoljucionnaja Rossija 1917 goda i polskij vopros: nove istochniki, nove vzglyady: Sb. st.* (Moscow, 2009).
- 13 *VChK upolnomochen zajavit... 1918* (Moscow, 2004).
- 14 Klementiev V. F. *V bolshevistskoj Moskve (1918–1920)* (Moscow, 1998).
- 15 Lacies (Sudrabs) M. Ya. *Dva goda borby na vnutrennem fronte. Populjarnyj obzor* (Moscow, 1920).
- 16 Ganin A. 'Poslednij genshtabist', *Rodina*, 2010, no. 8.
- 17 Kennan G. F. 'The Sisson Documents', *The Journal of Modern History*, 1956, Vol. 28, June.
- 18 Startsev V. I. *Nemeckie dengi i russkaja revoljucija. Napisannyj roman Ferdinanda Ossendovskogo* (St. Petersburg, 2006).
- 19 Zdanovich A. A. *Otechestvennaja kontrrazvedka. 1914–1920. Organizacionnoe stroitelstvo* (Moscow, 2004).
- 20 Popova S. S. *Mezhu dvumja perevorotami. Dokumentalnye svidetelstva o sobytijakh leta 1917 goda v Petrograde po francuzskim i rossijskim arhivnym istochnikam* (Moscow, 2010).
- 21 Kobayakov S. 'Krasnyj sud. Vpechatlenija zashchitnika v revoljucionnykh tribunalah', *Arkhiv russkoj revoljucii*, Vol. 7 (Moscow, 1991).